

<Г. В. ПЛЕХАНОВ>

Политическое завещание Г. В. Плеханова

Я, Георгий Валентинович Плеханов, отдавший революционному движению России и Европы почти всю сознательную жизнь, являясь не только свидетелем, участником, но и, по мнению многих, прямым виновником величайших по драматизму событий на Родине, не могу уйти из жизни, не высказав своего к ним отношения. После того как большевики разогнали Учредительное собрание, горькие упреки в мой адрес посыпались со всех сторон. Не считая нужным оправдываться, я все же должен заметить, что вина моя не столь велика, как полагают г. Чернов и его единомышленники. Как Прометея нельзя обвинять за то, что люди злоупотребляют огнем, так и меня не следует упрекать в том, что Ленин ловко использует мои идеи для подкрепления своих ложных выводов и вредных действий.

* * *

Приступая к изложению своих последних мыслей, считаю необходимым предварить их двумя замечаниями.

Первое. В своих работах я, как правило, пользовался местоимением «мы», потому что всегда писал от имени своих товарищей. В этом же документе все должно быть написано от первого лица, ибо ответственность перед Историей за мои «крамольные» мысли должна лечь только на меня, ни на кого более.

Второе. Я отказался от борьбы с большевиками — причины отказа будут изложены ниже, — и, следовательно, мое Завещание не должно быть опубликовано, пока они у власти.

1. Несколько слов о себе

Суть человека, его деятельность и его поступки определяются поставленными целями, а раскрашиваются приобретенными и врожденными качествами. На моих приобретенных качествах нет смысла останавливаться — они ясны из моих работ, а вот о характере сказать несколько слов надо. Характер мой сложен и противоречив, отчего часто страдали мои близкие и мои друзья. От матери мне достались развитое чувство справедливости, интеллигентность, любовь к природе, скромность и застенчивость. Последнее, правда, я быстро преодолел, будучи еще учащимся первых курсов Воронежской военной гимназии — спасибо Николаю. От отца — твердость и сила воли, работоспособность, чувство чести, долга и ответственности, решительность и прямолинейность. Именно по причине сложности характера я часто проявлял резкость в полемике. Признавая это, я все же должен повторить, что всегда относился с уважением к противнику, не выходил из литературных рамок приличия, не опускался, как Ленин, до вульгарной брани итальянских крестьянок и высмеивал не человека, а его точку зрения. Поэтому уверен: те, кого я «оскорбил», проявят ко мне снисходительность.

Более 40 лет своей жизни я посвятил революционному делу, пройдя путь от народника, увлеченного идеями Бакунина, до твердого марксиста-диалектика. В свое время было широко распространено мнение, что я отошел от народников по той лишь причине, что террор как метод политической борьбы был для меня неприемлем. Это не так. Я допускал возможность террора — как меры исключительной, если она послужит социальным детонатором. К счастью, ни один из наших противников не был убит с моим участием или с моего согласия, а ведь это могло случиться — три года я не расставался с револьвером и кастетом. Я «изменил» народникам по другой причине: идеология народничества, построенная на фундаменте бакунинского бунтарства, меня быстро разочаровала. Нечаевщина — уродливая форма бакунизма — была мне отвратительна. Бланкизм, к которому постепенно склонялись народники, меня тоже не удовлетворял. Все это, наряду с другими обстоятельствами, вынудило меня эмигрировать в начале 1880 года. Едва ли нужно доказывать, что

я отошел от народников, но не предал их, как мой горячий противник — «революционер», переставший быть революционером, бакунист с мирозерцанием Ткачева, горе — Л. Тихомиров. Но и отход от народничества дался мне нелегко. Почти три года прошли в тяжких раздумьях, болезненных переживаниях, в поисках компромисса, горячих спорах с друзьями по «Черному переделу» и эмигрантами-народовольцами, в переговорах и переписке с Лавровым. В прошлом близкий друг Чернышевского, Лавров был по тем временам человеком чрезвычайно популярным, авторитет которого поддерживался активной революционной работой, известными публикациями, деятельным участием в Парижской Коммуне и в Первом Интернационале, близким знакомством с К. Марксом и Ф. Энгельсом. Все это, наряду с нюансами личных отношений, вынуждало меня прислушиваться к его мнению и задерживало формирование моих марксистских взглядов.

Сначала я, как в свое время Белинский и Чернышевский, пытался найти конечную истину. К счастью, быстро понял: ее нет и быть не может. Истинно то, что служит в данный момент революционному делу и идет на благо народу. Окончательно на позиции Маркса я перешел только в середине 1883 года, когда идея моей первой, по-настоящему марксистской работы «Социализм и политическая борьба» стала обретать реальные очертания. Таким образом, мой стаж революционера-марксиста давно перевалил на четвертый десяток. Своим марксистским становлением я прежде всего обязан трудам Маркса и Энгельса, но не последнюю роль в этом процессе сыграл и Жюль Гэд, с которым я познакомился, если мне правильно подсказывает память, в конце 1880 года и с которым меня в дальнейшем связывали единство взглядов и дружеские отношения.

В будущем недостаточно вдумчивый биограф, анализируя марксистский период моей деятельности, пожалуй, выделит в нем три этапа. На первом этапе (1880–1882 гг.) Плеханов-де был «сомневающимся» марксистом, когда пытался осмыслить, в какой мере учение Маркса может быть применимо к российским условиям. На втором этапе (1883–1905 гг.) Плеханов — марксист «ортодоксальный», который последовательно, но не всегда успешно (это правда!) боролся с критиками Маркса. На третьем этапе, начиная с 1906 года, после того как я осудил Московское вооруженное восстание, — Плеханов постепенно скатывался в ряды «разочаровав-

шихся» и все больше уходил от активной революционной борьбы. Большевики о последнем этапе отзываются еще определеннее — «предал пролетариат и перешел в лагерь буржуазии». Все три определения я заключил в кавычки, потому что они далеки от истины. В отношении первого этапа все ясно: нельзя сомневаться в том, что недостаточно изучено и понято. О втором и третьем этапах скажу одно: они ошибочны. Я никогда не был ни ортодоксальным марксистом, ни тем более разочаровавшимся. Оставаясь последовательным марксистом-диалектиком, я в каждое конкретное время поддерживал ту из фракций социал-демократии, которая была ближе к идеям Маркса и разделяла точку зрения группы «Освобождения труда». Конечно, мое отношение к теории Маркса постепенно менялось — что же тут удивительного, если даже сами авторы этой теории иногда с изменением условий меняли свою точку зрения. Но ни эволюция моих взглядов, ни мое расхождение с Марксом и Энгельсом в оценке роли террора в революционном движении России в начале 80-х годов не мешает мне утверждать: я был и остаюсь верным последователем моих учителей.

В своей жизни я, как и каждый человек, совершил немало ошибок. Но моя главная, непростительная ошибка — это Ленин. Я недооценил его способностей, не рассмотрел его истинных целей и фанатической целеустремленности, снисходительно и иронично относился к его максимализму. Я ввел Ленина в круг известных и влиятельных европейских социал-демократов, опекал его, оказывал всестороннюю помощь и тем самым позволил твердо встать на ноги. Больше того: в 1903 году на съезде РСДРП в споре Ленина с Мартовым я поддержал Ленина, что в итоге привело к рождению большевизма. Тогда мне казалось, что постепенно я смогу смягчить позицию Ленина, повлиять в нужном направлении на Мартова и тем сохранить единство партии. Но очень скоро я понял, что единство невозможно, потому что все, что не по Ленину, — не имело права на существование. Ленин был за единство, но под его началом, с его целями, с его тактикой, с его лозунгами. Однажды появившись, большевизм стал быстро набирать силу, отчасти по причине привлекательности его тактики и лозунгов для малоразвитого российского пролетариата, а отчасти по причине необычайной настойчивости и титанической работоспособности Ленина. Исправить мою ошибку было уже, к сожалению, невозможно. Вот почему утверждение г. Чернова, что большевики — мои дети, и шутка Виктора Адлера

по поводу моего «отцовства» в отношении к Ленину, не лишены основания. Моя ошибка уже обошлась и обойдется России очень дорого. Она оказалась роковой и для меня самого. Нет сомнения в том, что в случае длительного пребывания у власти большевики сделают все, чтобы очернить и предать мое имя забвению. К счастью, этого не случится. Я отчетливо сознаю свое место в российской истории. Я не Прометей, не Спиноза, не Кант, не Гегель и не Маркс. Я не подарил людям огня, не создал новой философии, нового социального учения. Но в деле просвещения российского пролетариата, в деле развития российской общественной мысли я все же кое-что сделал, а посему смею думать, что и История, и потомки будут судить обо мне благосклонно.

<...>

III. О большевиках, их тактике и идеологии

Большевизм как крайне левое течение в российской социал-демократии, зародившееся в 1903 году и значительно окрепшее в предвоенные годы, является в настоящее время самой влиятельной политической, идеологической и организационной силой. Объективными причинами появления и расцвета большевизма в России явились малоразвитость российского пролетариата, многочисленность деклассированных элементов, безграмотность и бескультурье россиян. Субъективные я упомянул ранее. Но большевизм не есть что-то принципиально новое. Идеи большевизма давно витали в умах революционеров. Якобинцы, Бланки, Бакунин и их сторонники, многие участники Парижской Коммуны по вопросам тактики и идеологии были практически большевиками. Как кровавые революции являются спутниками малоразвитого капитализма, так и идеи большевизма всегда были и будут спутниками малоразвитого пролетариата, нищеты, бескультурья и низкого сознания трудящихся. О большевиках, их тактике и идеологии написано много, в том числе и мной, поэтому буду кратким. Большевизм — это особая тактика, особая идеология, ориентированная на люмпен-пролетариат, это лозунги, заимствованные у Сен-Симона и анархо-синдикалистов, это марксистская фразеология.

Тактика большевиков — это тактика Бланки, дополненная ничем не ограниченным классовым террором. Идеология большевизма — это идеология Бакунина, «обогащенная» идеями

анархо-синдикалистов, отцом которых был Домела Ньювенгайс. Она ориентирована, по выражению Бакунина, на «дикий, голодный пролетариат», на «разнузданную чернорабочую чернь». Переоценка мудрости народа, его инициативы, его способности к самоорганизации, вера в способность пролетариата самостоятельно наладить производство и осуществить контроль — все это болезни Бакунина и анархо-синдикалистов.

«Мир!», «Труд!», «Счастье!», «Равенство!», «Братство!» — это лозунги утопистов. «Превратим войну империалистическую в войну гражданскую!» (лозунг, взятый на вооружение интернационалистами-пораженцами), «Фабрики, заводы — рабочим!», «Мир — народам!», «Земля — крестьянам!» — это лозунги анархо-синдикалистов. «Диктатура пролетариата», «пролетарская демократия», «постепенное отмирание государства» — это идеи Маркса. Таким образом, большевизм — это бланкизм, круто замешанный на анархо-синдикализме и поставленный под знамя марксизма. Это эклектическое, догматическое сочетание идей Бланки, Бакунина, анархо-синдикалистов и Маркса. Это псевдомарксизм, потому что основатели научного социализма были принципиальными, последовательными противниками Бланки, Бакунина и других анархистов. Бланкисты и бакунисты были исключены из Первого Интернационала, анархо-синдикалисты — из Второго. Итак, духовным отцом Ленина в области тактики является Бланки, а в области идеологии — Бакунин и Домела Ньювенгайс. Идеи последнего, взятые на вооружение «пораженцами», губительно отразились на России. Домела Ньювенгайс, Гюстав Эрве, Роберт Гримм, Ленин — вот генеалогическая цепочка любого интернационалиста-пораженца, а по сути анархо-синдикалиста.

Что же нового в большевизме? Только одно — неограниченный, тотальный классовый террор. Но классовый террор, тем более неограниченный, давно отвергнут и осужден европейской социал-демократией. Классовый террор как метод осуществления диктатуры пролетариата, которому так привержены большевики, таит в себе огромную опасность, ибо при сложившихся условиях в России может легко превратиться в тотальный государственный. Мы всегда утверждали — и не только мы, но и наши противники, — что социализм — это гуманное, социально справедливое общество, поэтому его нельзя строить, опираясь на насилие и террор. Как добро, содеянное на основе зла, содержит в себе зародыш еще большего

зла, так и общество, построенное на обмане и насилии, понесет в себе зло, ненависть и, следовательно, заряд саморазрушения.

На лозунгах утопистов нет смысла останавливаться. Лозунги «Мир — народам!», «Фабрики, заводы — рабочим!», «Земля — крестьянам!» — привлекательны, но ложны по сути, и вовсе не марксистские. Вместо внутреннего мира большевики ввергнут Россию в жесточайшую гражданскую войну, которая вот-вот начнется и в которой прольются реки крови, в бесконечный классовый террор. Гражданская война, кровавая и беспощадная, нужна большевикам, потому что только на этом пути они смогут удержать и укрепить свою власть. Но большевики не обеспечат и мира внешнего. В случае их победы большевистская Россия окажется в кольце капиталистических стран, которые вряд ли откажутся от попыток покончить с большевиками, безрассудно кричащими о неизбежности мировой революции.

При ленинском социализме рабочие из наемных капиталиста превратятся в наемных государства-феодала, а крестьяне, у которых тем или иным путем отберут землю и на которых неизбежно ляжет вся тяжесть промышленного подъема страны, — в его крепостных. К чему привел ленинский лозунг «Мир без аннексий и контрибуций!», хорошо известно — к позорному Брестскому миру с огромными аннексиями и контрибуциями. Ленин сделал все, чтобы разложить, а затем распустить российскую армию, а теперь, убеждая в необходимости Брестского мира, с горечью восклицает: «Поймите, у нас нет боеспособной армии!» И если в Ленине осталась хоть толика патриотизма, он должен молиться по ночам Богу (или дьяволу — не знаю, кому он поклоняется), чтобы Германия была разбита — в противном случае Россия потеряет экономическую и, возможно, политическую самостоятельность, а восстановленный монарх станет немецкой марионеткой. Чем реализовался принцип европейской социал-демократии «право наций на самоопределение» в большевистской практике, также хорошо известно — декретом о независимости Финляндии, который Ленин вручил реакционеру и палачу П. Свинхувуду, даже не спросив, что об этом думают финские рабочие и крестьяне. Почему? Да потому, что это нужно было Ленину по тактическим соображениям. На алтарь тактики ради достижения сиюминутных целей приносится в жертву все: совесть, общечеловеческая мораль, интересы Родины.

В последнее время численность партии большевиков стремительно растет. Это, однако, не означает роста ее сознательной части, потому что подавляющее большинство вступивших не знакомы даже с основами научного социализма. Одни, поверившие в идеи Ленина и обещания большевиков, станут слепыми исполнителями воли их вождей, другие, вступившие, чтобы вовремя урвать от «революционного пирога» кусок побольше, будут способны лишь голосовать «за» и в дальнейшем превратятся в партийных бюрократов, которые окажутся страшнее царских чиновников, потому что чиновник правящей партии будет во все вмешиваться, а отвечать за содеянное только перед «партийными товарищами».

Действия большевиков красноречиво доказывают, что горе от ума — не их горе. Их горе есть горе от невежества, от слепой веры в Ленина, в его «гениальные теоретические открытия», которые он декретирует, не считая нужным подкреплять хотя бы самыми элементарными доказательствами. Не имея ни малейшего представления о научном социализме, они совершают одно преступление за другим, даже не подозревая, что революционное насилие есть беззаконие.

Например, экспроприация, которую они осуществляют, — это вопиющий акт беззакония и вандализма, бесконтрольный грабеж (пример с частными банками). Такая экспроприация неизбежно приведет к полному экономическому хаосу и сформирует большую прослойку людей, которые, вместо того чтобы работать, будут «драть горло» и, опираясь на винтовку и революционные лозунги, придут к тому, что начнут отбирать у крестьянина последнюю курицу.

Совершив переворот и провозгласив его социалистической революцией, Ленин направляет российскую историю по ложному, тупиковому пути. В результате Россия отстанет в своем развитии на многие годы, а возможно, и на десятилетия. Доказывать это строго нет ни сил, ни времени. Однако, учитывая важность утверждения и чрезвычайно низкую грамотность россиян, особенно в вопросах научного социализма, должен все же высказать несколько логических посылок. Я неоднократно предостерегал большевиков и тех, кто увлечен их фразой и ложными лозунгами, от поспешности и авантюризма в революционных действиях. Я утверждал и утверждаю: Россия не готова к социалистической революции ни по уровню развития производительных сил, ни по численности пролетариата, ни по уровню культуры и самосознания масс,

и потому социальный эксперимент, задуманный Лениным, обречен на провал. «Да, но разве нельзя, — спросит меня сторонник Ленина или «полуленинец», — в условиях власти пролетариата ликвидировать безграмотность, поднять культуру и самосознание трудящихся, быстро увеличить численность рабочих и развить производительные силы?». Отвечаю: Нет, нельзя! Во-первых, нельзя нарушать объективные законы общественного развития, так как безнаказанным это не останется. Во-вторых, культура и самосознание масс — это социальный фактор, всецело зависящий от степени развитости производительных сил, хотя, разумеется, существует и обратная связь. В-третьих, декларировав социалистические производственные отношения, Ленин оставил производительные силы далеко позади и тем самым создал революционную ситуацию наоборот. В обществе нет антагонистических противоречий только в том случае, если существующие производственные отношения соответствуют уровню развития производительных сил. Несоответствие подобного рода породит новые, до сих пор неизвестные противоречия, не менее, а скорее всего более драматичные, чем при современном капитализме. В-четвертых, власть на данном этапе российской истории не может принадлежать и не будет принадлежать пролетариату. В октябре 1917 года Ленина активно поддерживали не более 1% россиян, следовательно, каждый, кто хотя бы знаком с тактикой Бланки, согласится с тем, что октябрьская революция есть бланкистский переворот, который, по утверждению Энгельса, предполагает неизбежную диктатуру его организаторов, а любая диктатура несовместима с политическими и гражданскими свободами. Не хочу быть вещью Кассандрой, но все же утверждаю, что эволюция власти большевиков будет следующей: ленинская диктатура пролетариата быстро превратится в диктатуру одной партии, диктатура партии — в диктатуру его лидера, власть которого будет поддерживаться сначала классовым, а затем тотальным государственным террором. Большевики не смогут дать народу ни демократии, ни свободы, потому что, осуществив это, они тут же потеряют власть. Ленин хорошо понимает это. А раз так, то у большевиков нет другого пути, кроме пути террора, обмана, запугивания и принуждения. Но возможно ли путем террора, обмана, запугивания и принуждения быстро развить производительные силы и построить справедливое общество? Конечно, нет! Это станет возможным только в условиях демократии, на основе свободного,

сознательного, заинтересованного труда. Но о какой демократии может идти речь, если менее чем за полугодие большевики закрыли больше газет и журналов, чем царские власти за всю эпоху Романовых. О какой свободе и заинтересованности труда можно говорить, если принята «хлебная монополия» и ставится вопрос о трудовой повинности и трудовых армиях.

Стремясь к радикальным переменам, безответственно ускоряя события, большевики стремительно уходят влево, но, идя по замкнутому политическому кругу, они неизбежно окажутся с правой стороны и превратятся в негативную, реакционную силу. Люди редко оценивают свои поступки во всей полноте возможных последствий. Своей деятельностью Ленин уже нанес России огромный вред и, боюсь, объем этого вреда на некотором этапе правления большевиков станет критическим. Если Ленин и его последователи утвердят свою власть надолго, то будущее России печально — ее ждет судьба Империи Инков. «Народные комиссары», мнящие себя «суровыми разрушителями Карфагена», разрушат не старый мир, а свою Родину, обещанные ими «Морисоновы пилюли» окажутся ядовитым зельем, а их «творческий подход» к социализму — его дискредитацией. Утверждение Ленина о возможности победы социалистической революции в одной, отдельно взятой отсталой стране, такой как Россия, — это не творческий подход к марксизму, а отход от него. К этому выводу Ленин пришел не случайно: он был нужен ему, чтобы вдохновить большевиков.

Расчет Ленина на то, что революция в России будет подхвачена западным пролетариатом, ошибочен. Ничего серьезного в Европе случиться не может, так как пролетариат Запада сегодня почти так же далек от социалистической революции, как и во времена Маркса.

Путь большевиков, каким бы он ни был, коротким или длинным, неизбежно будет ярко раскрашен фальсификацией истории, преступлениями, ложью, демагогией и бесчестными поступками. Уже сейчас в краткой истории их власти пытливым человеком может выделить немало количество сомнительных моментов, наводящих на размышления. Например, с какой целью в один из самых критических моментов, когда большевистская власть была на волоске, в Петербург прибыли швейцарские друзья Ленина — Ф. Платен и К°? Зачем потребовалась Ленину срочная «национализация» частных банков? Неужели затем, чтобы незадолго до Учредительного собрания рассориться с единственными

союзниками — левыми эсерами? Зачем с удивительной поспешностью Ленин предоставил независимость Финляндии и вывел из нее войска? Кто был заинтересован в покушении на Ленина за несколько дней до открытия Учредительного собрания? Я мог бы продолжить такие вопросы, но, не имея возможности в моем положении дать на них убедительные ответы, воздержусь от этого. Все сказанное о большевиках — их тактика, их идеология, их подход к экспроприации, их неограниченный террор — позволяет мне с уверенностью утверждать: крах большевиков неминуем! Террор, на который уповают большевики, — это сила штыка. Но на штыках, как известно, сидеть неудобно, XX век — век великих открытий, век просвещения и стремительной гуманизации отвергнет и осудит большевизм. Я допускаю мысль, что Ленин, опираясь на тотальный террор, выйдет победителем из Гражданской войны, к которой так упорно стремится. В этом случае большевистская Россия окажется в политико-экономической изоляции и неизбежно превратится в военный лагерь, где граждан будут пугать империализмом и кормить обещаниями. Но рано или поздно придет время, когда ошибочность ленинских идей станет для всех очевидной, — и тогда большевистский социализм рухнет, как карточный домик. Я оплакиваю судьбу россиян, но, как Чернышевский, говорю: «Пусть будет, что будет, а будет на нашей улице праздник!»

IV. Почему я отказался от борьбы с большевиками

Мой отказ от борьбы с большевиками после октябрьских событий вызвал у многих недоумение. Одни, плохо меня знающие, предполагают, что мое решение — результат грубого обыска в моем доме, совершенного большевиками через несколько дней после Октябрьского переворота. Это ошибка. Обыск, который, по моему предположению, возглавлялся матросом С. Кокотько, не напугал меня, более того, не послужил причиной ухудшения моего здоровья, как писали некоторые газеты. Другие, те, кто знают меня лучше, считают, что это следствие резкого обострения моей болезни. Но и они неправы, хотя действительно здоровье мое с приходом осени ухудшалось так быстро, что уже в январе я был не в состоянии удерживать в руках даже перо. Мое нездоровье не остановило бы меня, если бы я видел смысл в борьбе: нет сил писать — можно диктовать. Я отказался от борьбы по ряду объективных причин.

1. Мое принципиальное отношение к войне, критика большевиков и полуленинцев, нежелание заигрывать с люмпен-пролетариатом, отказ от углубления революции, лояльное отношение к Временному правительству — все это работало против меня. Я видел это, но не хотел, как, например, т. т. Церетелли, Чхеидзе, Авксентьев и др., ради сохранения популярности грешить своими взглядами и идти на уступки Ленину. После июльских событий классовая озлобленность и непримиримость, нагнетаемые большевиками, политическая глухота и слепота усиливались с каждым днем. Особенно отчетливо они проявились на Московском совещании. Когда я обращался направо, к торгово-промышленному классу, аплодировала правая сторона — левая молчала, когда же обращался налево, к российской социал-демократии, аплодировала левая — молчала правая. В результате меня не поняли ни те, ни другие. А компромисс — единственное, что могло спасти Россию, был принесен в жертву политической амбициозности. Виноваты в этом прежде всего большевики, но были на то и объективные причины. Незрелость пролетариата (и буржуазии тоже!), массовая безграмотность, резкое обнищание и усталость народа, вызванные войной, раскол Европейской и Российской социал-демократии, бездеятельность и непоследовательность Временного правительства являлись той благодатной почвой, в которой быстро прорастали ленинские семена анархии и классовой непримиримости. В такой объективно сложившейся социальной обстановке продолжать борьбу с большевиками было бессмысленным.

2. Всю свою жизнь я посвятил делу освобождения рабочего класса, и теперь, когда власть перешла в руки Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, я не могу бороться с теми, кого считал и считаю своими братьями, хотя они, обманутые кривыми вожаками, совершают роковую ошибку. Последствия этой ошибки будут весьма печальными прежде всего для самого российского пролетариата. Но пусть российский пролетариат — как это ни прискорбно — до конца пройдет тернистый путь, предначертанный ему капризной Историей, созреет и поднимется до понимания своего предназначения.

3. От борьбы меня удержали и другие соображения. Если большевики потерпят крах сейчас, наступит глубокая, затяжная реакция, в результате которой пострадает и российская, и западная социал-демократия, а завоевания пролетариата будут утрачены.

Но если большевики удержат власть хотя бы в течение нескольких лет, то пострадает Россия, ее граждане, а международная социал-демократия только выиграет: напуганная событиями в России, западная буржуазия пойдет на серьезные уступки рабочему классу. Я скорблю о России, но, оставаясь последовательным интернационалистом, выбираю второе.

V. Как долго удержат власть большевики

Этот вопрос волнует в настоящее время многих. Им задаются противники большевиков, сами большевики, он важен каждому россиянину, небезразличному к судьбе Родины. Ответ на этот вопрос не может быть однозначным, так как зависит от многих объективных, субъективных и даже случайных факторов. Гадать — недостойное дело, поэтому обосную, в той мере, в какой это возможно, свои прогнозы. Сделать это я тем более обязан, поскольку считал и считаю: будущее, по крайней мере ближайшее, не может быть неясным и неопределенным. Больше того, я не раз говорил, что человек, который понял прошлое и разобрался в настоящем, который видит взаимосвязь, преемственность и обусловленность исторических событий, способен с некоторой достоверностью предвидеть будущее. Объективные исторические условия, сложившиеся в России к настоящему моменту, логика развития событий, действия большевиков, диктуемые их тактикой и идеологией, позволяют мне утверждать, что на пути укрепления своей власти они столкнутся с четырьмя восходящими по сложности кризисами. Срок их пребывания у власти определится тем, на каком из них они споткнутся.

Первый, неумолимо надвигающийся кризис — это кризис голода. Если Ленин не избежит коалиции с левыми эсерами, которые сдерживают классовый террор (пример с г. Пуришкевичем) и энергично выступают против продовольственных отрядов, то большевики потеряют власть осенью этого года, когда крестьяне закопают хлеб в землю, а страну поразит невиданный голод. К власти придут эсеры, кадеты и меньшевики. Но, убрав левых эсеров из правительственных учреждений и тем развязав себе руки, большевики смогут пережить грядущий кризис. Понимая это, Ленин воспользуется первой же возможностью для дискредитации и разгрома своих вчерашних союзников, противоречия с которыми нарастают со дня разгона Учредительного собрания. Неизбежность

этого не требует доказательств. Недавний отказ левых эсеров подписать позорный Брестский мир, их выход из СНК, их неприятие ленинской «хлебной монополии» — все это говорит о том, что кризис в отношениях между ними и большевиками достиг того уровня, после которого полный разрыв — дело ближайших месяцев.

Натравив малосознательных рабочих и тех, на знамени которых, по меткому выражению матроса А. Александрова, написано «Хватай!», на зажиточных и средних крестьян, организовав массовую экспроприацию хлеба, большевики продержатся еще год-два, пока их неспособность восстановить производство не станет очевидной и для самого пролетариата.

Но и этот кризис — кризис разрухи — они смогут преодолеть, если развяжут широкомасштабную гражданскую войну, и, пользуясь неограниченным классовым террором и законами военного времени, уничтожат практически всех, кто не согласен с ними. Гражданская война позволит им ввести по всей России военное положение и списать разруху на классовых и внешних врагов. Кстати, начнись гражданская война, значительная доля крестьянства будет сражаться на стороне большевиков. Русский мужик, как бы ни был безграмотен, хорошо понимает: проиграй Ленин и — землю придется вернуть прежним владельцам. Победив в гражданской войне и хоть как-то восстановив производство, пусть даже принудительными мерами, например, введя всеобщую трудовую повинность, большевики продержатся еще и пять, и десять лет, пока до предела не обострятся противоречия между социалистическим характером фабрично-заводского производства и частно-капиталистическим характером сельского хозяйства. До сего времени Россия была и в ближайшее время останется страной отсталой в промышленном отношении, большую долю национального дохода которой составляет сельскохозяйственная продукция. Не имея возможности контролировать эту долю и распоряжаться ею, большевики рано или поздно потеряют власть.

Союз рабочего класса с крестьянством, о котором постоянно говорит Ленин, невозможен. Крестьянину нужна земля, в социализме он не заинтересован, ведь по характеру хозяйствования крестьянин ближе к капитализму, чем к социализму. В принципе такой союз был бы возможен в условиях демократии, политического равенства и справедливого товарообмена, но не при гегемонии пролетариата. Гегемония пролетариата заведомо унижает

крестьянство и предполагает его подчиненную роль. Такое отношение к крестьянству со стороны большевиков придаст указанному экономическому кризису политическую окраску.

Идя на уступки левым эсерам, большевики в 1917 году заложили под себя бомбу замедленного действия: социализировали землю, хотя изначально в их программе планировалась национализация. Чтобы преодолеть этот самый серьезный кризис — кризис политико-экономического характера, большевикам придется объявить крестьянству тотальную войну и уничтожить лучшую его часть — тех, кто умеет и хочет трудиться. В какой форме это может быть сделано, большевикам подскажут ситуация, международная и внутренняя, а также проявившаяся к тому времени степень расслоения в крестьянстве.

Преодолев третий кризис, большевики могут продержаться еще в течение многих лет, пока не наступит четвертый кризис — кризис идеологический, когда большевистская власть начнет разлагаться изнутри. Но процесс разложения может растянуться на десятилетия, так как Россия никогда не знала демократии, и очередная абсолютная власть — власть большевиков — будет воспринята россиянами с покорностью и терпением. К тому же власть эта может быть подкреплена изощренной демагогией, развитым аппаратом слежки и подавления.

Разумеется, в мои прогнозы могут внести коррективы всевозможные обстоятельства, предвосхитить которые невозможно и которые зависят от Его Величества Случая. Например, когда будет разгромлена Германия — а в том, что она будет разгромлена, я не сомневаюсь, — какой будет послевоенная Европа, кто будет преемником Ленина в случае его смерти и т. п. Я также не исключаю возможность, что Ленин, как человек тактически гибкий и знающий марксизм, может на определенном этапе внести существенные поправки в сторону отхода от декларируемых социалистических преобразований, что, впрочем, вызовет недовольство люмпен-пролетариата. Однако в том, что большевики и их идеология, ориентированная на деклассированные элементы, потерпят в итоге крах — в этом я не сомневаюсь. Это вопрос времени. Никому не дано изменить ход исторического развития! Незаурядная личность может лишь или ускорить, или замедлить этот ход. Ленин замедлит российскую историю и потому войдет в нее с тем же знаком, с каким вошел Лжедмитрий.

VI. О Ленине и других кривых вожаках

Признаюсь, я сомневался: надо ли писать о Ленине, ведь каждый его сторонник может усмотреть в первой же негативной строчке «месть с того света». Но Ленин — мой ученик, который ничему у меня не научился, кроме того, он — мой противник, о котором в будущем будут написаны тома, поэтому было бы с моей стороны малодушием обойти эту тему молчанием. В таких случаях трудно быть объективным, но я бы изменил себе, если бы отступил сейчас от истины.

Ленин, безусловно, великая, незаурядная личность. Писать о нем трудно: он многолик и, как хамелеон, при необходимости меняет свою окраску. С интеллигентами он — интеллигент, с рабочими — «рабочий», с крестьянами — «крестьянин»; он закономерен и случаен, логичен и алогичен, прост и сложен, последователен и непоследователен, «марксист» и псевдо-марксист и т. д., и т. д. Было бы неправдой, если бы я обвинил его в незнании марксизма, было бы также ошибкой, если бы я сказал, что он догматичен. Нет, Ленин не догматик, он знает марксизм. Но, к сожалению, он «развивает» его с непостижимым упорством в одном направлении — в направлении фальсификации и с одной целью — с целью подтверждения своих ошибочных выводов. В марксизме его не устраивает только то, что нужно ждать, пока созреют объективные условия для социалистической революции. Ленин — псевдо-диалектик. Он убежден, что капитализм ужесточается и всегда будет развиваться в сторону усиления его пороков. Но это — огромная ошибка. По мере развития производительных сил смягчался рабовладельческий строй, смягчался феодализм, и, стало быть, смягчается капитализм. Объясняется это классовой борьбой и постепенным ростом культуры и самосознания всех слоев населения.

Ленин — цельный тип, который видит свою цель и стремится к ней с фанатической настойчивостью, не останавливаясь ни перед какими препятствиями. Он весьма умен, энергичен, чрезвычайно трудоспособен, не тщеславен, не меркантилен, но болезненно самолюбив и абсолютно нетерпим к критике. «Все, что не по Ленину, — подлежит проклятию!» — так однажды выразился М. Горький. Для Ленина каждый, кто в чем-то с ним не согласен, — потенциальный враг, не заслуживающий элементарной культуры общения.

Ленин — типичный вождь, воля которого подавляет окружающих и притупляет его собственный инстинкт самосохранения. Он смел, решителен, никогда не теряет самообладания, тверд, расчетлив, гибок в тактических приемах. В то же время он аморален, жесток, беспринципен, авантюрист по натуре. Следует, однако, признать, что аморальность и жестокость Ленина исходят не от его личной аморальности и жестокости, а от убежденности в своей правоте. Аморальность и жестокость Ленина — это своеобразный выход из его индивидуальности путем подчинения морали и гуманности политическим целям. Ленин способен перебить половину россиян, чтобы загнать вторую в счастливое социалистическое будущее. Для достижения поставленной цели он пойдет на все что угодно, даже на союз с чертом, если это будет необходимым. Покойный Бебель говорил: «...я пойду хоть с чертом и даже с его бабушкой», но при этом добавлял, что такая сделка возможна, если он оседлает черта или его бабушку, а не они его. Союз же Ленина с чертом закончится тем, что черт проскачет на нем, как когда-то ведьма проскакала на Хоме.

Широко распространено мнение, что политика — грязное дело. К сожалению, нынешние действия Ленина как нельзя нагляднее подтверждают это. Политика же без морали — это преступление. Человек, наделенный властью, или политик, обладающий большим авторитетом, в своей деятельности должен руководствоваться прежде всего общечеловеческими моральными принципами, ибо беспринципные законы, аморальные призывы и лозунги могут обернуться огромной трагедией для страны и ее народа. Ленин не понимает этого и не хочет понимать.

Ленин ловко манипулирует цитатами Маркса и Энгельса, зачастую давая им совершенно иное толкование. Из моих работ о роли личности и масс в Истории Ленин усвоил только одно: он, как личность, «призванная» Историей, может творить с ней все, что захочет. Ленин является примером человека, который, признавая свободу воли, видит свои поступки сплошь окрашенными в яркий цвет необходимости. Он достаточно образован, чтобы считать себя Магометом или Наполеоном, но в том, что он «избранник судьбы», Ленин убежден безусловно. С точки зрения законов социального развития и исторической необходимости Ленин был нужен лишь до февраля 1917 г. — в этом смысле он закономерен. После Февральской революции, которая смела царизм и устранила противоречия между производительными силами и производственными отношениями,

историческая надобность в Ленине отпала. Но беда заключается в том, что массы об этом не знали и не знают. Они получили больше политических свобод, чем в Западной Европе, но, полуголодные и обнищавшие, к тому же вынужденные продолжать войну, даже не заметили этого. Закончись война весной 1917 года, реши Временное правительство земельный вопрос без промедления — и у Ленина не осталось бы для совершения социалистической революции никаких шансов, а сам он навсегда был бы списан из рядов Историей призванных. Вот почему Октябрьский переворот и сегодняшний Ленин — не закономерность, а роковая случайность.

Ленин — теоретик, но для образованного социалиста труды его не интересны: они не отмечены ни изяществом слога, ни отточенной логикой, ни глубокими мыслями, но на малограмотного человека они неизменно производят сильное впечатление простотой изложения, смелостью суждений, уверенностью в правоте и привлекательностью лозунгов.

Ленин — хороший оратор, умелый полемист, который пускает в ход любые приемы, чтобы смутить, заставить замолчать и даже оскорбить оппонента. При несовершенстве дикции он умеет ясно излагать свои мысли, способен польстить, заинтересовать и даже загипнотизировать аудиторию, при этом он удивительно быстро и безошибочно приспособливает свою речь к уровню слушателей, забывая, что бороться за правое дело — не значит льстить толпе и опускаться до ее уровня. Ленин — человек, не знающий «золотой середины». «Кто не с нами — тот против нас!» — вот его политическое кредо. В своем стремлении растоптать противника он опускается до личных оскорблений, доходит до грубой брани, и не только в полемике, но и на страницах печатных работ, которые он «выпекает» с непозволительной скоростью. Гениальный Пушкин переписывал набело даже свои письма. Великий Толстой по несколько раз корректировал свои романы. Ленин же ограничивается лишь незначительной правкой.

Многие общечеловеческие понятия, признаваемые каждым цивилизованным человеком, отвергаются Лениным или трактуются в негативном смысле. Например, для любого грамотного человека либерализм — это позитивная система взглядов, для Ленина — это всего лишь «либеральные пошлости». Для любого грамотного человека буржуазная демократия — это пусть урезанная, но все же демократия, для Ленина это — «филистерство», зато

ничем не ограниченный классовый террор — это «пролетарская демократия», хотя в принципе демократия — т. е. власть народа — ни буржуазной, ни пролетарской быть не может, так как и буржуазия, и пролетариат, взятые в отдельности, — это лишь часть народа, далеко не большая.

Толстой, величайший гуманист, считавший, что истинное величие невозможно без любви, добра и простоты, не признал бы Ленина великим. Но прав ли он? Наполеон не отличался ни любовью, ни добротой, ни простотой, но он, безусловно, великий полководец. История знала великих поэтов, великих музыкантов, но она знала и великих преступников. Так кто же Ленин? Ленин — это Робеспьер 20-го века. Но если последний отсек головы несколькими сотням невинных людей, Ленин отсечет миллионам. В этой связи мне вспоминается одна из первых встреч с Лениным, которая, по-моему, состоялась летом 1895 года в кафе Landolt. Зашел разговор о причинах падения Якобинской диктатуры. Я в шутку сказал, что она рухнула, потому что гильотина слишком часто секла головы. Ленин вскинул брови и совершенно серьезно возразил: «Якобинская республика пала, потому что гильотина слишком редко секла головы. Революция должна уметь защищаться!» Тогда мы (присутствовали П. Лафарг, Ж. Гэд и, кажется, Ш. Лонгэ) только улыбнулись максимализму г. Ульянова. Будущее, однако, показало, что это не было проявлением молодости и горячности, а отражало его тактические взгляды, которые уже в то время были им четко сформулированы. Судьба Робеспьера хорошо известна. Не лучшей будет и судьба Ленина: революция, совершенная им, страшнее мифического Минотавра; она съест не только своих детей, но и своих родителей. Но я не желаю ему судьбы Робеспьера. Пусть Владимир Ильич доживет до того времени, когда со всей очевидностью поймет ошибочность своей тактики и содрогнется содеянному.

Вторым после Ленина по способностям и по значению в партии большевиков является Троцкий. «Иудушка», «подлейший карьерист и фракционер», «проходимец, хуже всяких прочих фракционеров» — так отзывался о нем Ленин и был совершенно прав. Ленин в одной из своих работ написал: «Много блеску и шуму в фразах Троцкого, но содержания в них нет», — и в этой оценке Ленин прав. Стиль Троцкого — стиль бойкого журналиста — слишком легок и бегл, чтобы быть глубоким. Троцкий чрезвычайно амбициозен, самолюбив, беспринципен и догматичен до конца

ногтей. Троцкий был «меньшевиком», «внефракционером», а сейчас он — «большевик». На самом же деле он всегда был и будет «социал-демократом в себе». Он всегда там и с теми, где успех, но при этом он никогда не оставит попыток стать фигурой номер один. Троцкий — блестящий оратор, но приемы его однообразны, шаблонны, поэтому его интересно послушать только один раз. Он обладает взрывным характером и при успехе может сделать очень многое в короткое время, но при неудаче легко впадает в апатию и даже растерянность. Если станет ясным, что ленинская революция обречена, он первым покинет ряды большевиков. Но если она окажется успешной, он сделает все, чтобы потеснить Ленина. Ленин знает об этом, и все же они в одном лагере, потому что демагогия Троцкого и его идея перманентной революции нужны Ленину, к тому же он — несравненный мастер собирания под свои знамена всех желающих. Ленин — вождь большевиков — никогда не согласится быть вождем другой фракции. Для Троцкого же самое главное — быть вождем, неважно, какой партии. Вот почему столкновения между Лениным и Троцким в будущем неизбежны.

Рядом с Троцким можно поставить Каменева, затем Зиновьева, Бухарина. Каменев знает марксизм, но — не теоретик. По убеждениям Каменев — меньшевик-циммервальдец, колеблющийся между меньшевиками и большевиками. Он не обладает необходимой силой воли, чтобы претендовать на роль влиятельного политика. Именно поэтому он следует за большевиками, будучи во многом не согласным с ними. Зиновьев — большевик циммервальд-кинтальского толка, но без окончательно сложившихся убеждений. Несмотря на постоянные сомнения, он все же останется в рядах большевиков до тех пор, пока не представится возможность с перспективой перейти в другой лагерь. Зиновьев, как и Каменев, не обладает твердым характером, но способен для закрепления собственных позиций выполнить любой приказ Ленина. Бухарин — принципиальный, убежденный большевик, не лишенный логики, собственного мнения и задатков теоретика. Он неоднократно и по многим вопросам был не согласен с Лениным. Возможно, что именно Бухарин — в случае смерти Ленина — станет ведущей фигурой большевистской диктатуры. Но не исключено и то, что еще при жизни Ленина Бухарин и другие названные фигуры, как в свое время жирондисты, будут сметены большевиками второго эшелона, которые никогда и ни в чем не возражали Ленину.

VII. О государстве, социализме и будущем России

Я согласен с Вандервельдом в том, что слово «государство» можно толковать в узком и широком смысле. Я также согласен, что Маркс и Энгельс вкладывали в это слово только узкий смысл, когда говорили об отмирании государства. Но едва ли можно ставить им это в вину: говорить о государстве в широком смысле в их время было слишком преждевременным. До настоящего времени государство в основном остается орудием господства одного класса над другим. Функции государства как выразителя общегражданских интересов и общего регулятора стали заметно очерчиваться лишь в последние десятилетия. Государство как порождение непримиримости классовых противоречий, как орган политического авторитета, как орудие угнетения одного класса другим, конечно, упразднится. Придет время, когда исчезнут классы, сотрутся границы, но государство как форма организации народа — в будущем землян — сохранится, более того, роль его будет постоянно возрастать, что явится следствием нарастания глобальных проблем: перенаселение Земли, истощение земных ресурсов, энергетический голод, сохранение лесов и пахотных земель, загрязнение земли, вод и атмосферы, борьба с природными катастрофами и т. п.

По мере отмирания государства в узком смысле в управлении государством все большую роль будут играть ученые, т. е. политическая надстройка начнет постепенно трансформироваться в надстройку «научного авторитета». Но это в будущем, а пока надо стремиться к тому, чтобы политическая надстройка отражала интересы трудящихся, что в полной мере осуществимо только при социализме. В этом смысле социалистическая революция является целью, к которой должен стремиться пролетариат. Надо при этом помнить, что ни одна революция не привела в итоге к устойчивому, скачкообразному изменению социальных и производственных отношений, а лишь ускорила их эволюцию. В этом отношении весьма примечательно предисловие Энгельса к английскому изданию «Манифеста» 1888 года, где он подчеркнул особую роль эволюционных процессов в социальном развитии. Интересно также и то, что это издание, перевод которого с немецкого на английский был сделан под непосредственным руководством Энгельса, заканчивается лозунгом «Трудящиеся всех стран,

соединяйтесь!»), что далеко не равноценно лозунгу «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Социалистическая революция, призванная уничтожить эксплуатацию и классы, на первом этапе не сделает ни того ни другого. Больше того, преждевременная социалистическая революция чревата серьезными негативными последствиями. Каждый человек, владеющий законом отрицания отрицания, может легко прийти к выводу, что роль политической надстройки циклически меняется от формации к формации, то усиливаясь, то ослабевая. Всеми признается, что роль политической надстройки при социализме должна существенно возрасти, поскольку государство берет на себя дополнительные регулирующие функции: планирование, контроль, распределение и прочее. В этом смысле политическая надстройка при социализме, отрицающая капиталистическую, будет больше похожа на надстройку монархического феодализма, чем капитализма. А это грозит тем, что в отсутствие демократии — а ее, как уже отмечалось, при ленинском социализме не будет, — при низкой культуре и самосознании масс государство может превратиться в феодала более страшного, чем монарх, потому что последний все-таки человек, тогда как государство — безликая и бездушная машина. Убежден: именно таким феодалом окажется ленинское социалистическое государство, особенно в первые десятилетия, если, конечно, большевики преодолеют первые три кризиса, о которых я говорил выше.

Подавив сопротивление буржуазии, что легко осуществимо без террора, если пролетариат составит большинство населения, диктатуре пролетариата следует уравнивать в правах все классы и добиться торжества законности и справедливости. Исчезновение классов — дело далекого будущего, поэтому социалистическое государство должно обеспечить прежде всего классовый мир и защиту интересов трудящихся. Но в отсталой России, которая никогда не знала демократии, в которой царят безграмотность, нищета и бескультурье, большевики не обеспечат ни первого, ни второго.

Революционные изменения социального устройства России возможны только при революционном изменении культуры и самосознания всех слоев населения. Только при этом условии можно быстро развить производительные силы. Но это уже из области фантазии: культура и самосознание народа есть функции производительных сил, а не наоборот. Конечно, мобилизовав интеллигенцию, большевики могут покончить с безграмотностью быстро,

но, во-первых, научиться читать — не значит стать культурным, а во-вторых, научившись читать, люди скорее поймут, что такое ленинская диктатура пролетариата.

Будущее России во многом определится сроком пребывания большевиков у власти. Рано или поздно она вернется к естественному пути развития, но чем дольше просуществует большевистская диктатура, тем болезненней будет этот возврат.

Социалистическое общество в понимании Маркса и Энгельса — дело не одного столетия даже в западных странах, тем более в России. Поэтому на данном историческом этапе в России надо наращивать производительные силы, расширять политические права и свободы, формировать демократические традиции, поднимать культуру граждан, пропагандировать и внедрять отдельные элементы социализма. Нужно постепенное изменение государственных институтов, сопровождаемое экономическим, политическим и пропагандистским воздействием на все слои населения с целью обогащения россиян, демократизации и гуманизации российского общества. Страна не может быть великой, пока бедны ее граждане! В богатстве граждан — богатство государства! Истинное величие страны определяется не ее территорией и даже не ее историей, а демократическими традициями, уровнем жизни граждан. Пока граждане бедны, пока нет демократии, страна не гарантирована от социальных потрясений и даже от распада.

Россия — огромная страна, протянувшаяся на тысячи километров. Поэтому для быстрого прогресса надо всемерно развивать железнодорожный и водный транспорт. Мольтке говорил: «Не надо строить крепостей, стройте железные дороги!» Если железные дороги важны для Германии, то для России они жизненно необходимы. В будущем огромное значение могут приобрести автомобили и авиация, поэтому этим областям техники надо уделить особое внимание. Необходимо всемерно развивать средства связи, добиваться повсеместной электрификации, так как только на основе электричества можно быстро поднять производительность труда.

Россия остро нуждается в прогрессивной идеологии, основанной на лучших национальных традициях, на современных представлениях о демократии, политических свободах, гуманности и социальной справедливости. Только такая идеология обеспечит России устойчивое, естественное развитие экономики. Ложная же идеология порождает и будет порождать зашоренных кривых во-

жаков, которые, следуя идеологическим догмам, способны лишь тормозить производительные силы и препятствовать формированию цивилизованного процветающего общества. Наконец, России нужны сильная центральная власть и сильная власть на местах, действующие в четко очерченных конституцией границах.

Современное состояние российской деревни — это живой укор столетиям самодержавия. Надо сделать все, чтобы преобразовать российские деревни, чтобы исчезли покосившиеся четырехстенки под соломенными крышами. В каждой деревне должны быть школа, почта, телеграф и телефон, отделение банка, общественные заведения, больница, административный и торговый центры. Разумеется, для этого потребуются десятилетия. Но это достижимо, если государство повернется лицом к деревне, если крестьяне получают землю, которая — об этом не следует забывать — как средство производства имеет особую ценность и поэтому не может быть предметом спекуляции. Долгосрочная аренда — бесплатная для россиян и платная для граждан других стран — вот единственная форма землепользования на ближайшие десятилетия. Труд является источником всех богатств, и, если он будет свободным и заинтересованным, россияне быстро покончат с отсталостью страны. Только после этого можно ставить вопрос о социалистической революции и социалистических преобразованиях, на пути которых я бы условно выделил три этапа.

Внимательному читателю может показаться, что в моих рассуждениях есть противоречия: выше я поставил под сомнение возможность осуществления диктатуры пролетариата, а теперь рассуждаю о социалистических преобразованиях. Но кто сказал, что социалистические преобразования возможны только при диктатуре пролетариата? С развитием общества, с ростом уровня жизни, культуры и самосознания масс постепенные социалистические преобразования могут происходить не только по воле властей, но и вопреки им. Переход к социализму на определенном этапе развития производительных сил станет закономерным и неизбежным. И если России волею Истории выпадет первой прокладывать путь к социализму, то делать это надо постепенно и поэтапно.

Первый этап (25–30 лет) — ранний социализм. На этом этапе следует поэтапно конфисковать лишь самые крупные банки, заводы, фабрики, транспорт, помещичьи и церковные земли (если к тому времени таковые сохранятся), крупные торговые предприятия.

Экспроприацию проводить на основе частичного выкупа, пожизненной ренты, пенсии или права на определенный дивиденд. Средние и мелкие заводы, фабрики, банки, торговлю и сферу обслуживания оставить в частных руках. На основе конфискованных банков создается национальный банк, который должен контролировать движение финансов и деятельность частных банков. На основе конфискованных предприятий создается государственный сектор, цель которого — учиться хозяйствовать, торговать и обеспечивать социальную справедливость. Чтобы повысить заинтересованность рабочих, государственные предприятия частично акционируются среди них, причем акции, не подлежащие перепродаже, должны давать рабочему право на получение дивиденда, но не право совладения. Часть конфискованных земель в зависимости от местных условий передается на справедливой основе крестьянам, а на оставшейся части организуются крупные государственные показательные хозяйства.

Налоги на доходы должны быть прогрессивными, но они не должны душить предпринимателя. Доходы, используемые на расширение производства, на строительство дорог и другие общественные цели, налогом не обкладываются. Само собой разумеется, на этом этапе следует всячески приветствовать прилив иностранного капитала, но жестко контролировать его вывоз. Расширять экспорт и контролировать импорт. Таможенная политика должна стимулировать российского производителя и способствовать повышению качества отечественных товаров.

Цель первого этапа — повышение производительности труда и уровня жизни россиян. На этом этапе следует исходить из признания трех сил — государство, предприниматель, рабочий. Первый этап можно будет считать законченным, когда производительность труда в государственном секторе сравняется с производительностью труда лучших частных заводов, а уровень жизни россиян достигнет уровня жизни в западных странах.

На втором этапе (25–30 лет) — этапе зрелого социализма — экспроприруются средние банки, заводы и фабрики, оптовая торговля, опять же на справедливой основе. Например, владелец банка становится его управляющим, владелец завода — его директором и т. д. Частичный выкуп, пожизненная рента или пенсия также не исключаются. Сельское хозяйство, розничная торговля и сфера обслуживания переводятся на коллективную основу. Государственный сектор получает дальнейшее развитие. На этом

этапе по-прежнему приветствуется ввоз капитала, контроль за его вывозом ослабевает. Второй этап закончится, когда производительность труда на государственных предприятиях превысит производительность труда лучших заводов западных стран, а уровень жизни россиян превысит уровень жизни граждан капиталистических государств. Цель этого этапа — сделать социализм привлекательным для всех народов. На этом этапе мирные социалистические революции могут победить в наиболее развитых странах.

На третьем этапе (50–100 лет) конфискуются остатки частной собственности, социалистический способ производства становится господствующим. Полностью исчезает эксплуатация, стираются различия между физическим и умственным трудом, между городом и деревней, постепенно исчезают классы. На этом этапе приветствуется вывоз капитала, приобретение ценных бумаг других государств, происходит экономическое сближение с другими странами с взаимным проникновением капиталов, материальное поощрение заменяется моральным. Цель этого этапа — выравнивание жизненного уровня граждан всех стран, создание производительных сил, достаточных для провозглашения коммунизма, который, разумеется, не может быть последней фазой общественного развития. Больше того, коммунизм не будет свободным от социальных противоречий. Думать по-другому — значит отказаться от гегелевской диалектики, этой вечной смерти или вечного возрождения. Противоречия при коммунизме, лишённые классовой и материальной основ, будут следствием этических, моральных и мировоззренческих противоречий между личностью и обществом.

Я кратко изложил свои представления об этапах социалистических преобразований, разумеется, не претендуя на окончательную истину. Как бы ни был гениален человек, как бы ни владел диалектикой, он все же может ошибиться в своих прогнозах. Будущие открытия науки могут перевернуть все современные представления. Но все это — проблемы завтрашнего дня, а сейчас с достоверностью можно сказать следующее: России нужны консолидация политических сил, многоукладность во всех сферах производства, частная инициатива, капиталистическая предприимчивость, конкуренция, без которой не будет качества и технического прогресса, справедливая политическая надстройка, демократизация и гуманизация. Россия — не только многонациональная страна, но и страна многих религий, что таит в себе опасность как межнациональных, так

и религиозных конфликтов. Избежать их можно только продуманными административными реформами, повышением жизненного уровня, равноправием в экономических, политических и социальных правах, свободой вероисповедания, взаимным уважением национальных традиций, культур и языков. Я всегда был противником религии, но никогда не отвергал ее значения. Религия как система представлений, настроений и действий содержит в себе два элемента. Первый — философский — элемент миропонимания с ростом производительных сил и развитием науки постепенно отмирает. Второй элемент — общественно-нравственный — просуществует долгие годы, и бороться с ним не следует. Любая религия проходит в своем развитии приблизительно одни и те же этапы. Как христианство прошло через годы мракобесия, так и ислам, являющийся мировой, но более молодой религией, может пройти через что-то подобное. Первыми симптомами этого являются идеи пантюркизма и геноцид армянского народа. Чтобы этого не произошло в России, россиянин должен помнить, что мусульманин — не басурман, а христианин — не кафир. Нужно пропагандировать не атеизм, а взаимное уважение религий и то, что их сближает. Нужно всячески приветствовать смешанные семьи. Ничего страшного нет, если муж — мусульманин, а жена — христианка, если сын — мусульманин, а дочь христианка, — или наоборот.

<... >

В заключение изложу несколько строк, которые никогда не публиковать — передать будущему демократическому правительству России.

<... >

По-моему, я сказал все, что хотел сказать. Никогда не использовал чужих мыслей, но в данном случае она уместна: «Хидите савилва анамим еамм»*.

Питкеярви. $(21-7) + 4 = 18^{**}$.

* Фраза, оставшаяся нерасшифрованной. — *Примеч. публикатора.*

** По-видимому, означает: продиктовано с 7 по 21 апреля 1918 года. — *Примеч. публикатора.*